

ГАЛИНА УДАЛЫХ

«В МЕНЯ ВМЕСТЯТСЯ ОБА МИРА, НО В ЭТОТ МИР Я НЕ ВМЕЩУСЬ...»

(Сиявуш Мамедзаде, «Алиф и Лам»)

В сентябре 2018 года в Баку и Москве при поддержке Фонда Гейдара Алиева прошел «Фестиваль поэзии, искусства и духовности – Насими», посвященный творчеству одного из гениальных поэтов и мыслителей Востока Имадеддина Насими (1369-1417).

Нынешний, 2019 год, по указанию Президента Азербайджана Ильхама Алиева объявлен Годом Насими.

Насими – великий поэт-гуманист, автор несравненных стихов, возвышающих и обожествляющих человека. Его богатое поэтическое наследие оставило глубокий след в обладающем многовековыми традициями художественном и философском творчестве азербайджанского народа. Начав свой поэтический путь с любовных стихов, Насими впоследствии, отталкиваясь от хуруфитских и суфийских воззрений на природу человека, создавал прекрасные произведения, посвященные общественным и нравственным проблемам. Жизнь его остается образцом человеческой стойкости, и сегодня занимает большое место в духовно-нравственном воспитании людей; его имя образно переосмысливается в современной художественной литературе: «...*Не зря ты взял себе такой псевдоним... Насими, «насм», «утренний ветер», «душа». Был ты легок, как утренний ветер, и тяжел, как мысли, им навеваемые, был ты с душой и сердцем, что бьется, как бабочка, прикрытая ладонью, ты много кричал, ты махал руками, ты подтверждал свое восточное происхождение словом и делом, уголками глаз и расшитой обувью, ты много хотел, подолгу мечтал*» (С.Алиев. «Всей содранной кожей», журнал «Нева», 2014, №9).

Насими – многозначное имя: «Дыхание уст его (Устада)», ветерок – один из четырех элементов мироздания (земля, вода, огонь, воздух), отсюда Насими означает также «Дыхание Творца Вселенной». Кроме этого, «Нас» – означает «признак», отсюда Насими – «Признак Хакка». Математический шифр имени Насими: каждая его буква (хуруф) означает цифру, которая в сумме (н – 50, а – 1, с – 900, и – 10, м – 30, и – 10) дает «1001», что есть символ, означающий имя творца.

Наша статья посвящена рассказу известного азербайджанского писателя, поэта и переводчика Сиявуша Мамедзаде «Алиф и Лам», в котором представлено несколько эпизодов из последних дней жизни Насими. Автор повествует о том, как через пустыню движется усталый караван. Неторопливо идут через пески верблюды; в паланкинах дремлют купцы; рядом с верблюдами бредут паломники, слуги, глашатаи, дервиши. Отметим здесь стилизацию текста, восходящую в некоторых своих приемах к Библии. Это периодический повтор союза «и» в начале предложения, означающий вневременной характер событий: «*И после каждого перехода, сотворив утреннюю молитву, путники погружались в тяжелый сон. И снились им пестрые базары, черный камень Каабы, жены и дети, снились яростное солнце и раскаленные пески. И мир казался им караван-сараем, где нужно платить за постой, чтобы потом уйти в ночь небытия*». Постепенно проявляется динамика повествования. Путникам встречается полубезумный человек, с которым ведет разговор и оказывает ему посильную помощь один из дервишей. Имя его не называется, но с течением времени мы понимаем, что это Насими – образ возникает между строк: читатели погружаются в мир его раздумий. В рассказе поэт предстает перед нами в двух ипостасях: Ученик и Учитель (Пророк).

При описании внешности – «высокий безбородый дервиш» – автор несколько отступает от известного нам и официально признанного портрета поэта кисти азербайджанского художника Микаила Абдуллаева.

Образ Насими-дервиша: «шерстяная власяница достигала колен, и жесткий ворс стрекотал его огрубевшее сильное тело» создан в рассказе «Алиф и Лам» неслучайно. Мы знаем, что Насими был суфием, а странствующие дервиши проповедовали аскетизм и были наполнены мистическими настроениями. Дервиш воплощает путь к Богу: он был разделен в суфизме на несколько (чаще всего говорят о семи) стадий, или стоянок (*макамат*). Каждая из этих стадий сопровождается разными мистическими состояниями. На первом этапе мистического пути последователь суфизма должен был постигать религиозные и нравственные законы ислама. Второй этап, или тарикат, – это собственное прохождение стоянок суфийскими последователями.

В рассказе показан именно этот этап жизни Насими: «Потому-то он и скрыл свое подлинное имя, сказавшись дервишем по имени Сеид, чтобы нести смысл тариката только тем, кто хочет постичь истину и возвыситься душой и разумом».

Читатель погружается в пространство прошедших, настоящих и будущих событий в жизни дервиша: «Приснились ему воды далекого Аракса<...>, а по берегу скакал конь, и на нем сидел Фазлуллах, живой и невредимый»; «вспомнил долгие дороги, по которым он шел, от ширванских степей до берегов Каспия, от анатолийских равнин до аравийских песков»; «вспоминал предсмертное письмо Фазлуллаха из Нахичевани, где уstad велел ему покинуть Баку». Сейчас дервиш с караваном направляется к стенам Алеппо. И если для путников, шедших с караваном, мир распадался на цветные сны о прошлом, и яростное солнце и раскаленные пески – в настоящем и будущем, то дервиша ждет трагическая бесконечность. Время для него остановится. А в нашей памяти из пропасти веков всплывает неистовый Насими, которого в сирийском городе ожидает страшная казнь...«Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,/Я в мире всемогущ, всемиловитв, велик» (И.Насими).

Описание в рассказе строится на противопоставлениях, например, реальности и иллюзии. Так, во сне дервиш увидел: «за конем (Фазлуллаха – **Г.У**) волочитса по земле чье-то бездыханное тело, привязанное к конскому хвосту. «Кто это, уstad?»– вскрикнул дервиш во сне. «Это труп Мираншаха», – ответил Фазлуллах». «И тогда дервиш понял, что это его мстительные грезы, и в жизни все было иначе».

Так в канву рассказа вплетаются имена исторических личностей. Это Фазлуллах (Фазл) ибн Мухаммед Наими Тебризи Астрабади (1339-1401), азербайджанский поэт и философ XIV века, учитель Имадеддина Насими, и Джалал-ад-дин Мираншах (1366-1408), третий сын Тимура, наместник Хорасана в 1380-1399 годах. По указу эмира Тимура Наими был арестован в городе Баку и находился в заточении в одной из тюрем Ширвана. Когда был издан указ о его казни, приговор привел в исполнение Мираншах в захваченной им крепости Алинджа гала (Нахчыван). Сообщают, что Мираншах привез Наими из Ширвана в эту крепость, повесил его перед защитниками, а затем, приказав привязать его труп к хвосту коня, велел, чтобы на глазах у всех поволокли его по городу. Названия этих городов, с которыми была связана большая часть жизни Фазлуллаха и по которым прошел Насими, введены в рассказ: Баку, Ширван, Нахчыван.

Дервиш, как странствующий проповедник-суфий, противопоставляется обычным паломникам, которые шли с караваном. Безумный человек, встреченный в пустыне, бежал от страшной жизни, а дервиш, наделенный умом и пронизательностью, приближался к мучительной смерти. Мы не знаем, что разрушило душевный мир ширванца, но верим, что он будет уравновешен после встречи с дервишем: «Успокойся, брат. Встань, встань и пойдем с нами, мы найдем исцеление твоим горестям». Из темноты ночи дервиш зовет его к светлomu утру: «Занималась заря».

Заря – это символ света, который «всегда был излюбленным понятием духовной терминологии. Он служил метафорой для знания. Свет указывает путь, он направляет, подобно мудрости и религиозному праву» (Роузентал Ф. Торжество знания. М., 1978. с.158).

Автором передается внутренний монолог героя: *«В этом мире все были братья, и все были сынами рода человеческого. Аллах – в самом человеке...»*. В рассказе развернут мотив своеобразного поклонения дервиша звездам, *«таинственный язык которых навевал думы о вездесущем и всемогущем, незримом и запредельном»*.

Истоки этого отношения к звездам восходят к сабеизму – доисламской религии: *«Аравия создала законченный культ звездопоклонничества, или сабеизма, а потом, при торжестве ислама, сам учитель его клялся неоднократно небом и звездой»* (Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. СПб., 1901, ч.1.с.13). Автор показывает, как дервиш обращается к таинственному звездному небу, незримо устанавливая связь с Аллахом: *«И он чувствовал, как всей душой, всем существом своим окунается в божественную тайну мироздания, и осознавал себя частицей этой великой тайны, и казался себе сильным и непобедимым, как Аллах»*. Звезда – традиционный символ божественности в исламе; 53-я сура в Коране называется «Звезда». Обращение к звездам свойственно восточной поэтике: *«Арабская поэзия, – писал Вл.Череванский, – отвела у себя небесному куполу заглавное место, и если конь и женщина почтены также всеми блестками образной речи араба, то все же солнце, луна и звезды пленяют его воображение до степени религиозного экстаза (...)*». Из повествования мы узнаем, что дервиш – поэт: в его скудной котомке *«лежали зашитые в ткань стихи устада и собственные, переписанные анатолийским каллиграфом на грубую бумагу»*.

Заглавие рассказа для русского читателя (а он написан на русском языке) в некоторой степени загадочно. Смысл его можно «прочитать» в концовке рассказа. Алиф и лам – это буквы арабского алфавита, с одной стороны, выполняющие чисто графическую функцию, с другой стороны, насыщенные особым символическим значением в арабском языке. Буква алиф имеет следующее мистико-поэтическое значение: первая буква слова Аллах. Калам, тело, находящееся в вертикальном положении. Гласный звук, открывающий сердце. Прямая линия, являющаяся основой всех букв алфавита. Букве лам приписывались такие поэтические значения, как: середина. Посредник. Поклон в молитве. Божественные заповеди (Символика букв арабского алфавита).

Мистическая символика букв послужила С.Мамедзаде средством для художественного раскрытия философской проблемы совершенного Человека в учении хуруфитов; опираясь на эту символику, он подводит читателя к пониманию познания Божественного, явленного в самом человеке. Характерна символическая параллель, проведенная между графическим изображением этих букв и главными действующими лицами, точнее, их тенями, упавшими на песок. Алиф – буква прямая, характеризующая стойкость и непоколебимость характера; Лам – кривая по своему изображению буква, символизирующая сломленный дух: *«дервиш увидел две тени – свою, прямую, как алиф, и изломанную, как лам, – человека из Ширвана»*. И дервиш (алиф) хочет видеть в испуганном соплеменнике-ширванце (лам) такую же стойкую личность: *«Боже, как трудно поднять человека», – подумал дервиш.*

Возможно и другое символическое прочтение заключительного эпизода рассказа. Дервиш (алиф) хочет поднять беглеца (лама), чтобы вместе с ним идти по пути познания Аллаха. Сочетание букв лам и алиф составляет слово ла, что означает «нет», с которого начинается символ веры мусульман: *«Нет божества, кроме Бога (Аллаха), и Мухаммад его посланник»*. Арабский философ Ибн Араби (1165-1240) говорил: *«Так как буквы алиф и лам существуют вместе, каждая из них испытывает взаимное тяготение. Это тяготение одновременно есть взаимная любовь и взаимный интерес. Не видишь ли ты, как лам подкладывает под алиф свой цоколь, пытаясь обнять древко алифа и не дать ему ускольз-*

нуть? Подними свой алиф ото сна и развяжи узел твоего лама. В этом узле, который связывает алиф и лам, скрыт невыразимый секрет». (Бибикова О.П. Калам острее сабли// Восточная коллекция. 2005, № 1 (20).

Насими проникновенно писал: «Все тайны разгадал, в суть мира я проник, / Все буквы – тридцать две – вместил в себя мой лик», но сам поэт не вместился в тесные рамки времени, отпущенные ему судьбой, и переступил границы столетий.